

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Живое слово

ЛОГОС — ГОЛОС — ДВИЖЕНИЕ — ЖЕСТ

Сборник статей и материалов

Москва
Новое литературное обозрение
2015

УДК 808.55
ББК 85.330,76
Ж67

Научное приложение. Вып. СXXXV

Издание подготовлено в рамках гранта президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков) и гранта РГНФ № 11-34-00344а2 (рук. В.В. Фещенко) «Художественный эксперимент: коммуникативные стратегии и языковые тактики».

Составитель и ответственный редактор
В.В. Фещенко

Редакционная коллегия:
А.М. Айламазьян, В.В. Аристов,
Е.М. Князева, И.Е. Сироткина

Ж67 Живое слово: логос — голос — движение — жест: Сборник статей и материалов / Сост., отв. ред. В.В. Фещенко; ред. кол. А.М. Айламазьян, В.В. Аристов, Е.М. Князева, И.Е. Сироткина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 480 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0287-8

В сборнике публикуются материалы конференции, посвященной «живому слову» в различных областях культуры и творчества. Авторы статей — исследователи и практики живого слова: лингвисты, поэты, исполнители и собиратели звуковой поэзии, специалисты по выразительному чтению и движению, театроведы, психологи, музыковеды, историки науки. Сборник охватывает широкий круг тем — от глоссологии и звуковой поэзии до выразительного движения и биомеханики экспрессивного жеста, от теорий музыкальной и речевой интонации до исследований пластического в слове, от перформативности высказывания до театральной антропологии и психологии игры актера. Тем не менее у проблематики материалов есть свой центр: вопрос о том, *что именно делает слово живым*, что превращает застывшее, зафиксированное на бумаге слово в эмоциональный акт, личностное событие, жизненный поступок и творческий эксперимент.

В оформлении обложки использованы фрагменты росписи Кносского дворца. Остров Крит. XV век до н.э.

УДК 808.55
ББК 85.330,76

© Авторы, 2015
© В.В. Фещенко, составление, 2015
© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2015

«ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ В СЕРДЦАХ» В ТЕОРИИ СЛОВА АНДРЕЯ БЕЛОГО И В СТИХАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА НА ЕГО СМЕРТЬ

Д.О. Торшилов
Москва

Живым словом» Белый планировал назвать одну из лекций революционных лет¹, в которой говорилось о том специфическом «оживлении» слова литературной классики при помощи специфических формально-герменевтических процедур, которым посвящена вторая половина его «Жезла Аарона» (и которые следует понимать иначе, чем «формальный метод» наследников и оппонентов Белого, «формалистов» — о соотношении двух литературоведческих стратегий см., например [Ханзен-Леве, 2001: 36–55, 92–95, 103–111, 121–129, 161–164] или [Хворостьянова, 2011]). В «Жезле Аарона», помимо этого, и помимо памяти о происхождении понятия из фольклористики², близкой авторитетному для Белого Потебне [Фещенко, 2006: 306–307], «живое слово» выступает как то целое, которое волей исторических судеб разрывается надвое словом-понятием (в пределе — термином, условным значком) и словом-образом (в пределе — звукообразом и футуристической заумью). «Живое слово» — то, которое не распалось на звуковое «тело» и смысловую «душу», а разрывающие слово антагонисты — философ-неокантианец и поэт-заумник. Кроме того, «живому» слову противопоставляется слово, как выражается Белый, «ходячее» (особенно часто в первой версии «Жезла Аарона» [Белый, 2011]), т.е. на современном русском языке, «расхожее» или даже «пошрое», затертое и стертое; живому же свойственна непосредственная выразительность. В дальнейшем, столкнувшись с методом русских формалистов и со стоящим за ним мироощущением, Белый чаще делает акцент на слове, не отделенном от автора, от субъекта высказы-

¹ План-набросок сохранился: НИОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14. Л. 4.

² О «первичной мифической свежести живого, народного слова» [Белый, 2006: 376].

вания; ведь отчужденное от субъекта выражения слово выразительным быть не может.

Формалисты, по-своему соединившие неокантианскую научную «методологию» с футуристическим выпячиванием новизны обесмысливающего приема, оказываются объектом полемики Белого к концу 1910-х — началу 1920-х годов. В 1920 году Белый критикует их за отрыв результата творчества от процесса³, в 1924 г. упрекает в «фетишизме товарного производства» и за превращение искусства слова в «прием» сравнивает с царем Мидасом [Белый, 1924а: 15], а потом переходит к критике формализма на уровне историко-философского обобщения, возводя его историю к Аристотелю: «Так слагался в истории формализм <...> склероз головы объявил себя целым; а организм — заболел» [Белый, 1924б: 139].

С 1919 года Белый неоднократно повторяет слова апостола Павла «вы письмо, написанное в сердцах» (2 Кор. 3, 2). Мы встречаем их в «Кризисе сознания» в 1919 году [Белый, 1996: 34], в «Воспоминаниях о Штейнере» [Белый, 2000: 496] в середине 20-х; их Белый поставил в финале книги «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» [Белый, 1994: 492] как сумму самого пути себя как символиста, — а символизм, как говорилось в «Жезле Аарона», есть «жизнь пути слова-собственно» [Белый, 2006: 389]. С него он начал и последний известный документ, развернуто трактующий темы «теории слова», — письмо Ф.Н. Гладкову от 17 июня 1933 года [Белый, Гладков, 1988]. Сердце, которое и есть послание, автор, который сам стал всецело medium, а потому и всецело message, — привычный ответ позднего Белого на основной вопрос «теории слова живого» [Белый, 2006: 382].

Но с непосредственного сердечного движения, выраженного жестом (излюбленнейшая категория позднего Белого), начинаются и парадоксы «теории слова»: ведь пантомиму, который говорит обо всем жестом, словами говорить уже

³ «Художественное произведение без процесса творчества рассматриваться не может. Если биография писателя не ставится в связь с тем, что он дал, то этому виной формальный метод. Анализ разрезает живую действительность <...> отрезать прием от того, что его породило, грех против живой литературы» [Белоус, 2005: 807].

не нужно. О пантомиме языка Белый сам говорит в лекции «Ритм жизни и современность» [Белый, 1924а]; ее воплощение — проза «Москвы».

* * *

Темы столь важной для Белого «теории слова» попали и в одно из самых знаменитых посвященных ему стихотворений. Объяснения образности цикла стихотворений Мандельштама, написанных на его смерть, предпринимались неоднократно. Это «Голубые глаза и горячая лобная кость...» и «Утро 10 января 1934 года» в трех или более частях или вариантах. К циклу примыкают несколько стихотворений из «Восьмистиший». Не говоря о комментариях в изданиях Мандельштама ([Мандельштам, 1990; 2009]), существуют специально посвященные этому вопросу работы ([Полякова, 1997; Спивак, 2007; 2008а; 2008б, 2008в; Сошкин, 2010]). Цикл богат отсылками к словам, мыслям, формальным приемам Белого и к связанным с ним реалиям. Нельзя не согласиться с данными С.В. Поляковой объяснениями «бирюзовый», «лазурь черна», «юрод» и «дурак», «лбная кость» и богатой внутренней рифмы⁴. На работе Поляковой во многом основывается последний комментарий [Мандельштам, 2009: 624–627], добавляющий указания на несомненные отсылки к недавно вышедшим книгам Белого — воспоминаниям и «Мастерству Гоголя». Не менее убедительно и понимание многих мест цикла как детализированного описания дня похорон (о чем говорит и «календарный» заголовок «Утро 10 января 1934 года»); как показывает М.Л. Спивак, документальными свидетельствами о похоронах Белого можно разъяснить не только присутствие «гравировальщика», но и «стрекоз» с «карандашами», и детали изготовления гипсовой маски, и музыку именно «в засаде», и «на полтора аршина к нему не подойти — почетный караул», и сбивчивые вопросы отрывка «Откуда привезли...», и «ледяную связь» [Спивак, 2008а] и даже «лежи, молодеи» [Спивак, 2008в].

Таким образом, часть красок, которыми Мандельштам рисует портрет покойного, взята из его книг, часть — из лич-

⁴ «Горячая лобная кость» и «горячий череп», конечно, не только реминисценция (напоминающая не только о «Петербурге» и «Котике Летаева», но и «Записках чудака»), но и описание реального облика адресата.

ных впечатлений от прощания. Мы полагаем, что третий, промежуточный источник относится и к «повтору самохарактеристик Белого» [Полякова, 1997: 274], и к личным воспоминаниям. Это явные отголоски рассуждений Белого, которые сохранились в упомянутом письме Ф.Н. Гладкову из Коктебеля от 17 июня 1933 г. (за полгода до смерти, за несколько недель до первого инсульта) [Белый, Гладков, 1988]. Ниже в том же письме Белый пишет и о разговорах с Мандельштамом, и, хотя экспрессивно жалуется на то, что разговоры с Мандельштамом ему неприятны⁵, из последующих примеров соответствия письма Гладкову и стихов Мандельштама следует, что Белый тем не менее разговора с ним не избежал. Примеров того, что Белый излагал в письмах разным адресатам одно и то же рассуждение, волновавшее его в тот момент, или записывал его и пересказывал собеседникам одновременно, достаточно⁶. Высока вероятность, что Мандельштаму он говорил в общих чертах то же, что написал Гладкову.

⁵ Есть разные объяснения этого. Традиционное, восходящее к «Воспоминаниям» Н.Я. Мандельштам — Мандельштам не нравился К.Н. Бугаевой, знавшей о его отрицательном отношении к антропософии (зафиксированном в печатных работах, см. цитаты в [Полякова, 1997: 282–283]; например, Белый, по мнению Мандельштама, «просиял нестерпимым блеском мирового шарлатанства — теософией»). Наш вклад в «оправдание» Белого за неприязненные слова о человеке, который так внимательно его слушал в Коктебеле и для которого его смерть была столь серьезным событием — в предположении, что Мандельштам хотел максимально серьезных и ответственных разговоров, а Белый очень устал и серьезных разговоров не хотел. «Я три года не отдыхал <...> попав сюда, — вдруг непроизвольно оглупел, впад в сон», — пишет он Гладкову в мае 1933 г.; «Я 3 года не отдыхал, пишуци книгу за книгой. И вдруг попал в полное безделье, ибо не взял с собой никакой работы», — письмо от 6 июля; ср. описания усталости его и К.Н. Бугаевой в письме Г.А. Санникову от 20 мая: «Меня охватило полное безделье <...> отдохновенное растворенье <...> Клодя все полеживает <...> сказывается усталость этих трех лет <...> и сюда доплескивается суета <...> но не хочется ни о чем думать» [Белый, Санников, 2009].

⁶ Ср., например, рассказ Н. Берберовой о том, как Белый раз за разом повторял собеседнику историю своих отношений с Блоком во время работы над «Воспоминаниями о Блоке» [Берберова, 1995: 30–332], или, например, ср. письмо П.Н. Зайцеву от 15 июня 1929 г. [Белый, Зайцев, 2008: 447–448] и письмо Р.В. Иванову-Разумнику от 26 июня [Белый,

Белый довольно активно участвовал в подготовке I съезда Союза писателей (подробнее см., например [Лавров, 2007]). Руководил тогда этой подготовкой И.М. Гронский, который в своем докладе, требовавшем выработки принципов социалистического реализма, сказал, в частности, что «социалистический реализм» — это значит «просто писать правду»⁷. Интересующие нас рассуждения Белого являются размышлением о том, что это значит, в ответ на запрос Гронского («Все это вопросы, которые мучают: “Пишите правду”, — сказал Гронский; писать правду легко-де» [Белый, Gladkov, 1988: 767]). Размышления о простом и правдивом слове сливаются для Белого как с темами его статьи 1922 года. «Так говорит правда» [Белый, 1922], так и, в значительно большей степени, с его постоянными размышлениями о «теории слова»; перед читателем проходят привычные для Белого темы — «тема в вариациях» (в частности, название одной из глав «Истории становления самосознающей души»), «ритм как смысл»⁸ и др. Наконец, искомое слово оказывается молчаливым жестом, жестом финала:

Иванов-Разумник, 1998: 636–638] и их отголоски в «Мастерстве Гоголя» [Белый, 1934: 118–119]; ср. также письмо Пастернаку от 23 июля 1928 г. [Белый, Пастернак, 1988: 696–697]. К мыслим этих отрывков восходит мандельштамовское «Ему кавказские кричала горы / И нежных Альп стесненная толпа; / На звуковых громад крутые всходы / Его ступала зрячая стопа» — этот источник тоже пока не отмечен комментаторами.

⁷ Из вступительной речи Гронского на первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.): «Что такое реализм? В переводе на простой язык это — правда. Когда мы говорим писателю — будь представителем социалистического реализма, мы говорим — пиши правду» [Советская литература, 1933: 10]. Белый и Gladkov оба выступали на этом пленуме в прениях; на нем, возможно, и познакомились [Белый, Gladkov, 1988: 753]. То, что Белый в 1933 г. занимал более оптимистическую позицию относительно готовящегося Съезда, Мандельштам, вероятно, объяснял для себя тем, что его «манила мировая молодящая злость».

⁸ Название одной из статей Белого и тема многочисленных рассуждений. Ср.: «Смысл — в жизни смысла, иль в росте его; как зерно, умирая, воскресает в многозерности колоса, а колос становится нивой, зыблемой ветром» [Белый, Gladkov, 1988: 765] — «истина [“А”] не в зерне: в ритме зреющих зерен» («О смысле познания», гл. 10 — [Белый, 1991: 25]).

«...Правда выговаривается много-много два-три раза в жизни; и там она — жест, синтезирующий всю жизнь человека, порой — без единого слова (“уход” Толстого, пуля Маяковского);...» [Белый, Gladkov, 1988: 767].

Выражающее «правду» человека прямое и уникальное слово-жест и слово-молчание постоянно противопоставляется многообразным изогнутым «истинам», на которых автор летает, как коньках (или, добавим, танцует как пантомим: «и быть может, в будущем, еще придется выступать мне, седому и лысому, в балетных пантомимах» [Белый, Иванов-Разумник, 1998: 574]). Он движется так вместо собственной правдивой поступи, естественного жеста, выражающего «письмо в сердце» (ведь «человек — отношение числа звуковых колебаний к стопе... к поступи... к поступку» — определение человека из недавно законченных «Масок» [Белый, 1932: 128]):

«Обычно охватывает отчаяние от собственного косноязычия, тупости, когда хочешь мыслить правдиво; в руки дается ворох штампованных, иногда очень красивых истин, не промышленных до корней; летаешь на них, как на коньках, выписывая прихотливые вензеля с... “легкостью необычайной”, велик соблазн прокататься на “истинах” всю жизнь; они же ведь... “истины”, а не “лжи”» [Белый, Gladkov, 1988: 767].

Наконец, правда сравнивается с вестью (в «истине» нет «вести»), а та с совестью и «советским» (ведь это ответ на запрос теории социалистического реализма):

«Я жажду общения, обмена вестями о правде личности с теми, кто близок мне; жажду со-вестия. А чт.е. совесть? Правда в отдаче вестей и правда в их восприятии; перед невозможностью осуществить это поднимаются муки, которые называют муками совести; я бы хотел, чтоб слово “*совесть*” стало бы истинно социалистическим словом, мне хочется слова “со-весть”, “со-знание”, “со-чувствие”, “со-вет” сочетать с нам близкими словами “*советская власть*”, мне хочется видеть слова эти в недрах вскрывшихся смыслов их; но не вскрываются недра вне революции сознания, культуры, вне царства свободы» [Белый, Gladkov, 1988: 767–768].

Весть, которая и есть правда индивидуальной души, «письмо, написанное в сердце» — центральная тема письма; она поставлена Белым и в начале в качестве ключа (как в смысловом, так и в музыкальном смысле): «я был радостно взволнован Вашим письмом; но эта радость, радость отклика (со-вестия: “сердце сердцу весть подает”, “вы — письмо, написанное в сердцах”, ап. Павел)» [Белый, Гладков, 1988: 765].

Именно эти темы, в которых традиционные для Белого темы теории слова переплетены с трагическим сознанием личного кризиса, с отчаянным желанием все-таки поверить надеждам и с пониманием невозможности этого⁹, по-видимому, были и содержанием его «статьи о социалистическом реализме», которую он собирался писать в это время [Спивак, 2006: 434 и далее]. Это был один из последних его замыслов.

Нет никакого сомнения, что Мандельштам слышал это рассуждение о словах-коньках и правдивой весте в сердце и что он помнил его, когда через полгода характеризовал покойного:

Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей, —

и переходил к теме речи как простой и прямой весте, противопоставленной томам слов, подобным «вензелям» конькобежца и пантомима:

Может быть, простота — уязвимая смертью болезнь?
Прямизна нашей речи не только пугач для детей —
Не бумажные дести, а весте спасают людей.

Мандельштам помнит и том, что эта «весть» («уход Толстого, пуля Маяковского») — это финал судьбы поэта:

⁹ «Нам, с нашими взысканием, с тоской по правдивости — нелегко подготовить себя; и я со страхом рисую картину себя на съезде: быть или не быть, говорить или не говорить, участвовать или только присутствовать? В последнем случае — лучше отсутствовать. Не легко все это вырешить. <...> И я очень очень скорблю. Более того: как-то не верится, что на съезде отдельные люди с верой в социалистическое будущее и с лейтмотивом правды в душе дадут нужный тон съезду. Опять пойдет чехарда подтасовки, лозунгов, и заранее переполнен гадливым отвращением» [Белый, Гладков, 1988: 768].

Часто пишется казнь, а читается правильно — песнь.

Этими тремя двустихиями кончается первая часть стихотворения «Голубые глаза и горячая лобная кость...», часть, посвященная, как показывают существующие комментарии, характеристике покойного в основном перифразами и переосмыслениями его собственных слов; после нее начинается вторая, показывающая конкретику дня похорон (см. выше).

Сжато тема дана в «Утре 10 января 1934 года», но это именно она:

... Где прямизна речей,
Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца...¹⁰

Интересующие нас темы появляются и отвергнутых вариантах:

И клянусь от тебя в каждой косточке весточка есть, –

ср. «жажду общенья, обмена вестями о правде личности с теми, кто близок мне»¹¹. Мандельштам отвечает покойному, что его желания не бесплодны, возможно, «весточкой в косточке» откликаясь на слышанные в беседе (потому что все указанные выше книги Белого с этой цитатой опубликованы при его жизни не были) слова о «письме в сердце».

¹⁰ М.Л. Спивак полагает, что из разночтений «гихловского» списка заслуживает внимания, в частности, «чертные» вместо «честные» в этих строках [Спивак, 2007: 353]. В пользу «чертные» то, что порча текста в сторону упрощения в самом деле встречается чаще (но только не тогда, когда копиист считает текст заведомо [полу]бессмысленным, как это, похоже, было с машинисткой «гихловского списка»: ср. там же в списке «молнокрылатый», «укрупленный»), однако контекст известного из письма Gladkovу рассуждения о правде говорит за «честные» (Мандельштам утешает Белого в его раскаянии за «нечестность» многословного конькобежца). «Определение зигзагов как “честных” вызывает некоторое недоумение,» — пишет М.Л. Спивак; контекст письма Gladkovу это недоумение рассеивает.

¹¹ Еще: «Прямизна нашей мысли не только пугач для детей: / Без нее лишь бумажные дести и нету вестей».

ЛИТЕРАТУРА

Белоус В.Г. Вольфила (Петроградская Вольная Философская ассоциация). 1919–1924. М., 2005. Т. 1.

Белый А. Так говорит правда // Записки мечтателей. 1922. № 5.

Белый А. Ритм жизни и современность. 1924а. <Тезисный план лекции> // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 15.

Белый А. Дневник писателя. I. Ритм жизни и современность // Россия. 1924б. № 2.

Белый А. Маски. М., 1932.

Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934.

Белый А. О смысле познания. Минск, 1991.

Белый А. Символизм как миропонимание / Изд. Л.В. Сугай. М., 1994.

Белый А. Евангелие как драма¹² / Изд. Е. Чистякова. М., 1996.

Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Изд. И.Н. Лагутина. М., 2000.

Белый А. Жезл Аарона // Семиотика и авангард // Антология / Изд., коммент. В.В. Фещенко. М., 2006.

Белый А. Жезл Аарона (лекция) // Миры Андрея Белого / Изд. Е.В. Глухова. Белград; М., 2011.

Белый А., Зайцев П.Н. Переписка // Зайцев П.Н. Воспоминания. М., 2008.

Белый А., Иванов-Разумник. Переписка / Изд. А.В. Лавров и Дж. Мальмстад. СПб., 1998.

Из переписки Бориса Пастернака с Андреем Белым / Вступ. ст., публ. и прим. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988.

Белый А., Санников Г. Переписка 1928–1933 гг. М., 2009.

Берберова Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М., 1995.

Лавров А.В. «Производственный роман» — последний замысел Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007.

Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Изд., комм. П.М. Нерлера. М., 1990. Т. 1.

Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Изд., комм. А.Г. Мец. Т. I: Стихотворения. М., 2009.

Переписка Андрея Белого и Федора Гладкова / Изд. С.В. Гладкова // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988.

Полякова С.В. «Беловский субстрат» в стихотворениях Мандельштама, посвященных памяти Андрея Белого // Полякова С.В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997.

¹² Публикация последней части книги «Кризис сознания».

Советская литература на новом этапе. М., 1933.

Сошкин Е.П. Между могилой и тюрьмой: «Голубые глаза и горячая лобная кость...» на стыке поэтических кодов // Блоковский сборник XVIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. Тарту, 2010.

Спивак М.Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006.

Спивак М.Л. О «гихловском» списке стихотворений Мандельштама «Памяти Андрея Белого» // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Т.В. Цивьян / Сост. Л.О. Зайонц, М., 2007.

Спивак М.Л. «Непонятен, понятен, невнятен...»: «темные» места в стихотворениях О.Э. Мандельштама на смерть Андрея Белого // The case of the Avant-Gard / Дело авангарда. Амстердам, 2008а.

Спивак М.Л. О.Э. Мандельштам и П.Н. Зайцев (К вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого») // «Сохрани мою речь...»: Сб. материалов: В 2 ч. М., 2008б.

Спивак М.Л. «Аргонавтический миф» в поэтическом цикле О.Э. Мандельштама на смерть Андрея Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М., 2008в.

Фещенко В.В. Внутренний опыт революции в русской поэтике // Семиотика и авангард. Антология. М., 2006.

Ханзен-Леве О.А. Русский формализм. М., 2001.

Хворостьянова Е.В. «Экспериментальная эстетика» Андрея Белого и проблема герменевтики стиха // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011.